
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

О ДРЕВНОСТЯХ СЕРЕДИНЫ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В ЮЖНЫХ ЧАСТЯХ
ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

1

Одним из важнейших археологических открытий, сделанных в СССР за последнее десятилетие, являются многочисленные славянские древности VI—VIII вв., обнаруженные и исследованные в различных частях Правобережной Украины и позволившие определить многие старые находки. Изучение этих древностей значительно расширило пределы спорного в славянорусской археологии и сузило область гипотез и дискуссий. Открылся «дофеодальный период» истории культуры восточных славян, в течение которого закладывались основы древнерусской культуры и государственности. Окончательно решился вопрос о древностях антов — восточноевропейских племен, упоминаемых византийскими авторами VI—VII вв. Их древности (поселения, могильники) до сих пор не были известны. «Славянство» антов нередко подвергалось сомнению. Теперь все это вполне разъяснилось. Бесспорные антские древности на Дунае, отысканные румынскими и болгарскими археологами, оказались по сути дела идентичными украинским. В общих чертах те и другие одинаковы с синхронными им славянскими древностями на территории Польши, Чехословакии и Венгрии.

Славянские археологические памятники VI—VIII вв. не только близки между собой в разных странах, но и обнаруживают общую тенденцию изменения во времени. Более или менее равноценными во всех славянских землях были хозяйство и общественная жизнь, и они развивались в общем направлении. Поселения, обычно сравнительно небольшие, устраивались славянами преимущественно на низких местах — на невысоких всхолмлениях в пределах речных пойм, по краю сниженных участков надпойменной террасы или на речных островах, т. е. так, как их описывал в начале VII в. Маврикий Стратег. Новой чертой жизни и быта было появление укрепленных поселений — городищ или замчищ-убежищ, сооружаемых на высоких труднодоступных местах. «Расцвет» поселений этого рода относится к последующему периоду, когда в славянской среде складывались классовые отношения и государственность. Жилищем в славянских землях служила прямоугольная полуземлянка — хижина столбовой или срубной конструкции, на одну треть или несколько больше впущенная в землю. Почти без изменений такая форма жилища во многих местностях сохранилась до средневековья. Господствующей формой погребального обряда в VI—VIII вв. являлась кремация с последующим захоронением ее остатков на бескурганном «погребальном поле», обычно в глиняном сосуде-урне. Новой чертой погребального обряда явились курганные могильники. Результаты кремации в одних местах раньше, в других — позднее стали помещаться под курганный насыпь, служившую, по-видимому, семейной усыпальницей. В курганах VI—VIII вв.

встречаются обычно остатки нескольких сожжений. В последующее время во многих областях, преимущественно в более северной зоне славянского мира, курганный обряд получил широкое распространение, а семейные курганы мало-помалу сменились курганами с одним захоронением.

Отмечая общие черты, характеризующие древности VI—VIII вв. в разных славянских областях, некоторые исследователи склонны излишне увлекаться; они переоценивают степень общности древней славянской культуры и делают отсюда неправильные заключения. Так, Ю. В. Кухаренко в своих работах по археологии Украинского Полесья поставил знак равенства между славянскими археологическими памятниками VI—VIII вв., известными на Правобережной Украине, и древностями территории Чехословакии с керамикой «пражского типа». Одну из своих статей на эту тему он так и озаглавил: «Памятники пражского типа на территории Приднепровья», рассматривая в ней вольтские и смежные с ними древности с лепной керамикой¹. Так же поступил и И. И. Ляпушкин, утверждающий, что славянские древности VI—VIII вв., обнаруженные на территории Украины, в Чехословакии, Польше и в других странах «не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга». Из этого им был сделан вывод, что славяне, занимавшие, как известно, в VI—VIII вв. огромные пространства в Средней, Южной и Восточной Европе, якобы расселились накануне указанного времени из пределов «небольшой территории». Последняя осталась, правда, для И. И. Ляпушкина загадочной².

Такая излишняя «интеграция» славянской культуры VI—VIII вв. является, однако, далеко не соответствующей фактическим данным. Керамика «пражского типа» на территории Чехословакии, впервые определенная И. И. Борковским³, имеет весьма специфическую профилировку и другие особенности. В массе она заметно отличается от украинской. Отмечу при этом, что наиболее характерной посудой «пражского типа» является ранняя — VI—VII вв. Эти сосуды имеют узкое дно, яйцевидное тело и несколько суженную горловину с маленьким прямым венчиком. Поздняя же лепная славянская керамика на территории Чехословакии, непосредственно предшествующая круговой, теряет старые черты, приобретая форму обычных славянских средневековых горшков с отчетливо профилированной шейкой и отогнутым наружу венчиком.

За северными и восточными пределами Чехословакии керамика «пражского типа» имеется лишь в Польше, например в могильнике у Мензыборова (Międzybórow) на Висле около Варшавы⁴. Но наряду с «пражским типом» в Польше известны и другие формы древней славянской посуды. Я имею в виду при этом не отдельные сосуды, а комплексы керамики, открытые, например, на городище у Боникова, в Кленицах или в славянском слое в Бискупине, исследованном З. Раевским⁵. Следует при этом указать, что оба типа старославянской керамики, имеющиеся на территории Польши, — пражский и иной — заметно отличались от керамики германских племен того же времени, несмотря на то, что в некоторых местностях вдоль Одера славяне и германцы жили в то время чересполосно⁶.

¹ Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. SA, VII, 1960, стр. 111 сл.

² И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Сборник статей в честь проф. М. А. Артамонова. Л., 1961, стр. 208—209.

³ I. Borzkovský. Najstarší slovanská keramika ze středních Čech. PA, XLII, 1936—1938; его же. Staroslovanská keramika ve střední Evropě. Praha, 1940.

⁴ W. Bernat. Wczesnosredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w miejsc. Międzybórow. WA, XXII, 1955, 1, стр. 81—82.

⁵ Z. Hilczegówna. Early Mediaeval Fort in Bonikowa. District Kościan (Great Paland). AP, V, 1962; Z. A. Rajewski. Gród staropolski na półwyspie jeziora biskupińskiego. Grod prasłowiański w Biskupinie. Poznań, 1938, стр. 68—92.

⁶ K. Jądzewski. Wzajemny stosunek elementów słowiańskich i germańskich w Europie środkowej w czasie od najścia hunów aż do usadowienia się awarów nad

Если же обратиться к древностям Украины, то здесь посуда, несколько напоминающая «спражский тип», имеется лишь в Поднестровье и на Вольни. Но это будут лишь отдельные сосуды. В большинстве же случаев славянская керамика третьей четверти I тысячелетия имеет здесь иные силуэты, в частности более раскрытую горловину и отчетливо профилированную шейку с отогнутым наружу венчиком.

Если обратиться к другим элементам старославянской культуры, доступным археологическому исследованию — деталям устройства жилища, особенностям погребального обряда, изделиям из металла и проч., то и здесь в разных местах славянских земель выявляются свои специфические особенности. В будущем, когда накопится значительно больший материал, на основании этих особенностей можно будет определить локальные группы славян и восстановить конкретную картину славянских переселений и этногенического процесса в тот период истории, когда складывались основы средневековой этнической структуры славянского мира.

В настоящее время среди древностей Украины особенно отчетливо выделяется локальная группа славянских памятников VI—VIII вв. расположенная вдоль Среднего Днепра, по некоторым его притокам и в среднем течении Южного Буга. Культура живших здесь славянских племен в своих основных чертах не отличалась от синхроничной славянской культуры других восточноевропейских и средневропейских областей. Вместе с тем она имела и такие особенности, которые в других местах нигде не отмечены. Прежде всего здесь необходимо указать на керамику этой группы древних славян, имеющую специфические реберчатые очертания.

Впервые в значительном количестве такая керамика была найдена в конце 40-х — начале 50-х годов А. В. Бодянским в зоне Днепрогэса. Она происходила из поселений с прямоугольными землянками с остатками печей и из бескурганых могильников с сожжениями. Особенно характерны происходящие оттуда биконические сосуды без венчиков, а также такие же сосуды с отогнутым наружу венчиком и валиком под ним. Некоторые из них имели косую насечку или «защипы» по венчику, что заставляет вспомнить зарубинецкую традицию. Отдельные небольшие сосуды были снабжены ручкой, что также напоминает зарубинецкую керамику. Здесь же были найдены глиняные «сковороды». Керамика сопровождалась находками бронзовых изделий VI—VIII вв.: браслетом с утолщенными концами, пальчатыми и зооморфными фибулами, пряжками. Найдены железные трехперые («аварские») наконечники стрел и др. В более поздних комплексах была встречена посуда, сделанная на гончарном круге.

В середине 50-х годов украинскими археологами была основательно исследована группа древних поселений на Правобережье Днепра в нижнем течении Тясмина — у селений Пеньковки и Стецовки. И там, при остатках многочисленных жилищ-землянок с очагами и печами была найдена лепная керамика, среди которой посуда биконических форм, по выражению Д. Т. Березовца, является ведущей (рис. 1). Здесь же встречены лепные сосуды обычной горшковидной и баночной формы, глиняные сковороды и крышки. При этом по материалам, исследованным и опубликованным Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым, нетрудно убедиться, что реберчатые формы характерны преимущественно для наиболее ранних тясминских поселений, таких как Молочарня, ранние комплексы поселений Луг I и Стецовки, убедительно относимых авторами раскопок к VII в., а может быть к VI—VII вв. В этих комплексах керамики также представлены элементы, условно определяемые как зарубинецкие: косая

---

srodkowym Dunajem. Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria archeol., 5, 1960.

насечка или «защипы» по венчику отдельных сосудов и валик, опоясывающий шейку сосудов⁷.

Аналогичный материал происходит из раскопок П. И. Хавлюка в среднем течении Южного Буга. И там на более ранних поселениях (Семенки, Макаров остров и др.), которые датируются VI—VII вв., постоянно встречается керамика реберчатого профиля и налицо элементы, заставляющие вспомнить о зарубинецкой культуре: насечка по венчику,

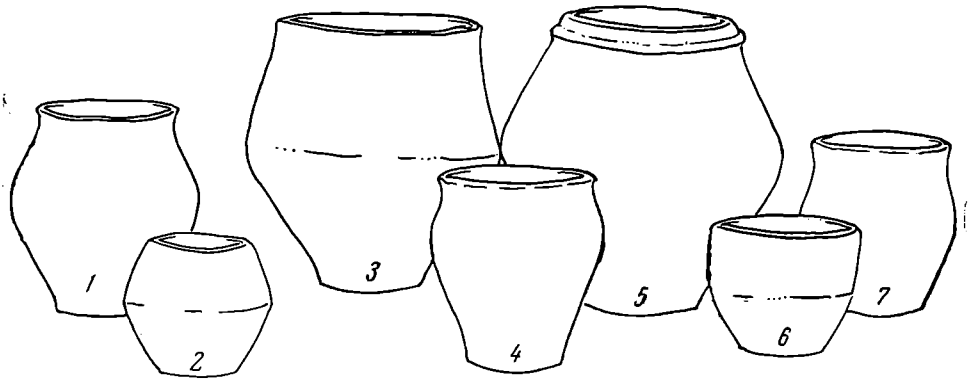

Рис. 1. Керамика из тясминских, надпорожских и побужских славянских поселений VI—VII вв.

1, 2, 5, 6 — поселение Луг I около с. Пеньковки, 3, 4 — поселение у с. Семенки, 7 — поселение у с. Стецовка

налепные «подковки» и «пишечки» на стенках сосудов (рис. 1)⁸. Имеются и другие подобные находки, сделанные в поречье Среднего Днепра и в примыкающих к нему местностях.

Раннеславянские племена, обитавшие в VI—VIII вв. в поречье Среднего Днепра и в близлежащей части Побужья, поселились на территории, занятой в первой половине I тысячелетия совсем чуждым им черняховским населением. Я не буду останавливаться здесь на дискуссионных вопросах, связанных с этими племенами, — их этнической интерпретации, вопросе об их судьбах после IV в. и др. Укажу лишь, присоединяясь к Д. Т. Березовцу, В. П. Петрову и многим другим советским археологам, что между черняховской культурой и раннеславянской культурой, речь о которой шла выше, не прослеживается никаких генетических и иных связей. Следовательно, славяне в начале третьей четверти I тысячелетия пришли на Средний Днепр. Это был один из эпизодов славянского расселения того времени. Откуда же пришли славяне в Среднее Поднепровье, где лежали земли предков обитателей надпорожских, тясминских и побужских поселений VI—VIII вв.?

До сих пор в среде археологов еще продолжает жить один анахронизм, давно отвергнутый славяноведением, — представление о славянской прародине, как «небольшой территории», из пределов которой они расселились по широким пространствам Средней, Восточной и Южной Европы якобы лишь в начале третьей четверти I тысячелетия. Как уже упоминалось выше, такого взгляда упорно придерживается, в частности, И. И. Ляпушкин, хотя для этого ему приходится закрывать глаза на локальные особенности славянской культуры VI—VII вв. Речь идет здесь об особенностях, отнюдь не приобретенных, которые можно было бы рассматривать как результат расселения и дифференциации славян. Име-

⁷ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 145 сл. Здесь же кратко суммированы сведения о находках А. В. Бодянского в зоне Днепрогэса (стр. 194—201); В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. Там же, стр. 209 сл.

⁸ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Ю. Буга. МИА, 108, стр. 320 сл.

ются в виду особенности, наиболее ярко представленные в раннее время (VI—VII вв.), а затем исчезающие. Реберчатость, биконичность среднеднепровской и побужской керамики принадлежат, бесспорно, к особенностям именно такого рода.

Где же лежат истоки славянской культуры с реберчатой керамикой? Ни в полесье, в культуре «типа Корчак», ни в более западных частях Днепро-Днестровского междуречья, ни на Днестре неизвестно ничего подобного. Далее на запад в славянских древностях третьей четверти I тысячелетия реберчатая керамика также отсутствует. Имеется лишь одна территория, где возможно искать истоки культуры славянских поселений с реберчатой керамикой, — это южные, центральные и восточные области Верхнего Поднепровья — поречье Днепра от впадения Десны и Припяти и до устья Друти, а может быть и дальше на север, течение Десны и значительная часть Днепро-Деснинского междуречья.

2

Древности середины и третьей четверти I тысячелетия известны в этой области бассейна Днепра пока что далеко недостаточно, несмотря на то, что первые их находки были сделаны здесь еще в начале нашего века.

Я имею в виду данные о грунтовых могильниках с трупосожжениями, собранные Е. Р. Романовым⁹. Судя по его описаниям, далеко не все пункты, им указанные, действительно были могильниками. Но некоторые в этом отношении бесспорны; они вошли в археологическую карту, опубликованную в одном из выпусков «Свода археологических источников»¹⁰.

Лишь один из этих могильников подвергся основательному археологическому изучению. Это известный Новобыховский могильник, который раскапывался в 1905 г. Е. Р. Романовым, в середине 20-х годов — С. С. Шутовым и И. А. Сербовым и, наконец, в начале 50-х годов — Ю. В. Кухаренко. В общей сложности там были обнаружены остатки около 25 сожжений, урновых и безурновых. Кроме глиняных сосудов, найдены маленькие бронзовые колечки; Е. Р. Романовым найдена свинцовая печать с греческой надписью будто бы VIII в., но связана ли она с могильником, осталось не выясненным¹¹.

Обращает на себя внимание один из дошедших до нас сосудов из Новобыховского могильника (раскопки Ю. В. Кухаренко), изображенный на рис. 2, 1. Как станет очевидным из дальнейшего, он входит в большую серию верхнеднепровской керамики с реберчатыми очертаниями, составляя, однако, ее поздний, вырождающийся вариант.

В последние годы значительное число памятников интересующего нас времени и характера — могильников, курганов, мест поселений и городищ — было отыскано на Днестре и в поречье Десны. Подробнее остановлюсь здесь на деснинской группе, в изучении которой активное участие принимала Верхнеднепровская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР.

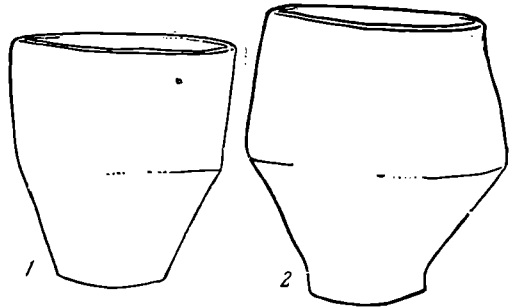

Рис. 2. Сосуды из Новобыховского могильника (1) и городища Макча (2)

⁹ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда Могилевской губ. Вильна, 1910, стр. 18—21.

¹⁰ Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, Д. 1—2, 1962.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье, КСИИМК, 53, 1954.

В 1954—1962 гг. в центре внимания Верхнеднепровской экспедиции были древности Смоленщины I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., впервые исследованные в значительных масштабах. Они оказались принадлежащими восточнобалтийским племенам, издавна жившим в Верхнем Поднепровье. В пределах указанных тысячелетий их культура в своем развитии пережила три основные фазы. Первая — это время городищ раннего железного века; вторая охватывала первые века нашей эры; третья начиналась в середине I тысячелетия. Наиболее поздняя группа древностей третьей фазы относится к последним столетиям I тысячелетия. Материальная культура балтов этого времени существенно отличалась от славянской¹².

Когда работы экспедиции охватили смежное со Смоленщиной верхнее течение Десны, оказалось, что по берегам Десны имеются памятники культуры балтов, принадлежащие лишь к первой фазе — раннему железному веку. Древности первых веков нашей эры представлены на Десне чуждой местным традициям позднезарубинецкой культурой, известной сейчас лучше всего по раскопкам Ф. М. Заверняева на Почепском селище в среднем течении правого притока Десны — р. Судости¹³. Отсюда эту культуру, по моему убеждению, совершенно напрасно иногда называют почепской¹⁴.

Древности середины и второй половины I тысячелетия, обнаруженные в поречье Десны, также совсем не похожи на древности балтов, представленные селищами и верхними слоями таких городищ, как Тушемля, Городок, Прудки и др.

Наиболее многочисленными памятниками этого времени в Подесенье являются остатки поселений, сравнительно небольших, с бедным культурным слоем. Они расположены, как правило, очень низко — в пределах поймы или на краю невысоких надпойменных террас, недалеко друг от друга. На правом берегу Десны выше Брянска, на участке протяженностью 15—18 км, вверх и вниз от с. Хотылова были обнаружены остатки семи таких поселений. Одно из них, расположенное около дер. Смольянь, в 1962—1963 гг. подверглось значительным раскопкам, речь о чем будет идти ниже. Интересно, что на этом же участке в районе с. Хотылова имеются четыре позднезарубинецких селища и три городища юхновской и смоленской культур. Таким образом, число поселений, вопреки мнению А. К. Амброза¹⁵, из периода в период увеличивалось.

В. А. Падиным найдено несколько поселений второй половины I тысячелетия на берегах Десны в районе Трубчевска. На одном из них (Хохлов Вир) вместе с лепной керамикой, среди которой много лощеной, найден трехлопастный железный наконечник стрелы, относящийся, по-видимому, к VII—VIII вв. Здесь же у с. Усох, около б. Крахмального завода, находится обнаруженный В. А. Падиным бескурганый могильник с трупосожжением, датируемый вещами VI—VII вв.¹⁶, а рядом с ним — городище Макча со слоем этого же периода. До недавнего времени

¹² П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963.

¹³ Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, 4.

¹⁴ Так поступает, например, А. К. Амброз (см. А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1), не решающийся окончательно порвать с представлениями «краеведческого автохтонизма». С одной стороны, почепская культура, по его мнению, развивается из юхновской, с другой — элементы этой культуры он рассматривает как пришлые, зарубинецкие (стр. 66 и др.). О взаимоотношениях культуры местных балтов с зарубинецкой культурой см. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 22—24.

¹⁵ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70. Автор говорит о резком уменьшении плотности населения на берегах Десны в период, последующий за «почепской эпохой». Это неправильно. Дело в том, что поселения этого времени не привлекали к себе должного внимания и поэтому до недавнего времени были почти неизвестны.

¹⁶ В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска. СА, 1960, 3.

Макча считалась роменским памятником, теперь же установлено, что слой роменского времени перекрывает там более древние напластования с остатками прямоугольных жилищ-землянок. В этом слое помимо керамики баночно-горшковидных форм встречается и реберчатая, похожая на новобыховскую (рис. 2, 2) ¹⁷. В том же районе, около с. Мансуровка Д. А. Мачинским в 1962 г. обнаружены остатки другого городища (или селища) «дороменского» времени. Наконец, ниже Трубчевска, у д. Кветунь на невысоком всхолмлении в пойме Десны находится могильник

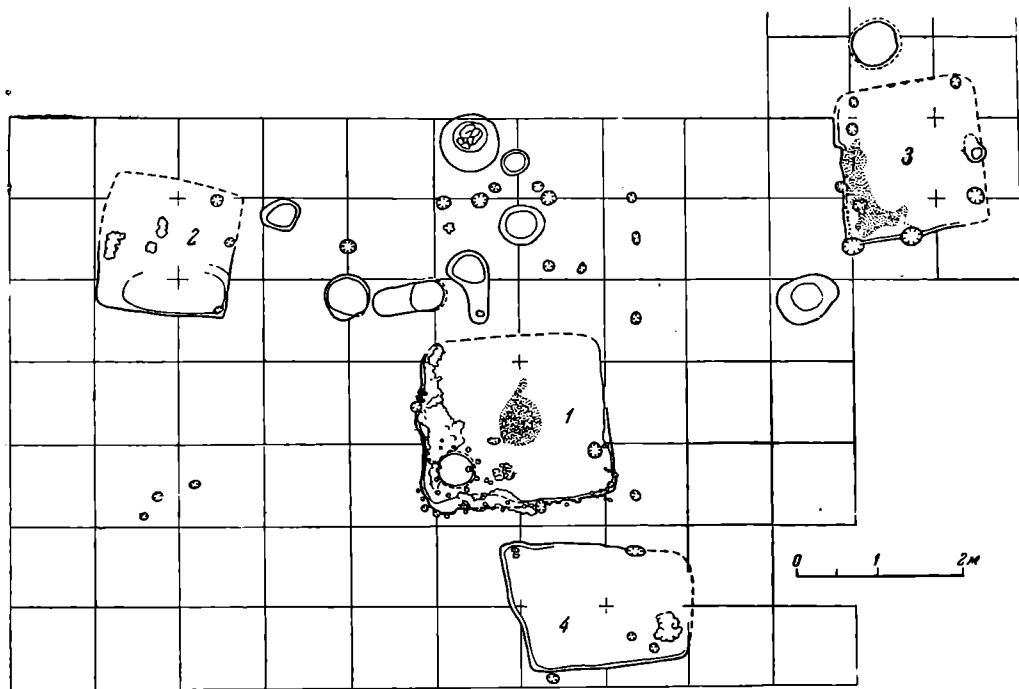

Рис. 3. Жилища-полуземлянки в центральной части поселения Смольянь на Десне
 Основание жилища 4 в месте, обозначенном пунктиром, было нарушено двумя более поздними ямами, здесь не показанными

третьей четверти I тысячелетия (частью бескурганной, частью курганной), исследованный Л. В. Артишевской, материалы которого, к сожалению, остаются неопубликованными, если не считать краткой информации о них, помещенной в сборнике «Славяне накануне образования Киевской Руси» ¹⁸.

Ряд поселений середины и третьей четверти I тысячелетия имеется на берегах р. Судости. Одно из них, расположенное у с. Посудичи, исследовалось мной в 1963 г. и дало интересный керамический материал. Наконец, не ставя перед собой задачи перечислить все известные на Десне памятники, упомяну Владимирское городище, верхний слой которого дал железные трехперые наконечники стрел и характерную керамику ¹⁹, а также селища, обнаруженные Д. А. Мачинским летом 1964 г. в нижнем течении Десны, в районе Сосницы.

Раскопки, произведенные на некоторых поселениях, показали, что жилищами повсюду служили квадратные в плане полуземлянки со сторонами размером 3—4 м, с очагами или примитивными печами. На поселении у дер. Смольянь были открыты остатки пяти таких жилищ. Они

¹⁷ Материалы В. А. Падина в Трубчевском музее.

¹⁸ Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108, стр. 85—96.

¹⁹ Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИМК, 68, 1957, стр. 88.

были выкопаны в слое сильно гумусированного суглинка (чернозема), и верхние части стенок ям не могли быть точно определены. Но основания жилищ, их пол, в четырех жилищах, открытых в центральной части поселения, был опущен в материковый горизонт (рис. 3). В него же углублялись ямы от столбов, составляющих основу стен жилищ. Сами стены состояли, по-видимому, из шпелтя, снаружи засыпанного землей, сторевшие следы которого удалось проследить в двух жилищах. Внутренние стены одного из жилищ (центрального) были обмазаны глиной. Жилище это погибло от пожара. Очаг располагался в нем в центральной части. Под очага был устлан крупными обломками глиняной посуды. В одном из углов располагалась яма для хранения продуктов (погребок), круглая в плане с расширяющимися книзу стенками и ровным горизонтальным полом. В других жилищах очаги (или примитивные печи) занимали один из углов помещения. Около жилищ встречены ямы нескольких погребов, круглых, колоколовидных, иногда снабженных ступенькой. В стороне от жилищ был обнаружен участок, на котором под бедным культурным слоем и слоем гумуса в материке оказались многочисленные ямы от вертикальных столбов. Здесь были, по-видимому, хозяйственные сооружения в виде навесов.

На дне одного из погребов, открытого здесь же, лежал интенсивный слой угля. Определение его возраста, произведенное в Лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, дало дату: конец VI — начало VII в. (1380 ± 75). Каких-либо датирующих археологических находок в Смольяни сделано не было. Кроме обломков керамики, речь о которой пойдет ниже, в землянках и культурном слое было найдено несколько глиняных биконических пряслиц, большей частью фрагментированных, немногочисленные обломки ножей и других предметов из железа, точильные камни, словом очень бедный, мало что говорящий материал.

Прямоугольные в плане землянки были найдены и в других пунктах. Выше уже упоминались жилища-землянки, обнаруженные в нижнем слое Макчи около Трубчевска. В Мансуровке остатки землянки были замечены в береговом обрыве. Ее раскопки показали, что это было прямоугольное жилище с очагом или глинобитной печью в углу. Под очага, как и в Смольяни, был устлан обломками керамики. Имеются сведения, что прямоугольные землянки были раскопаны на селищах в Белокаменке (в Брянске) и у пос. Жуковка, которые датируются более ранним временем, чем Смольянь, Макча и могильники в районе Трубчевска²⁰. Хотя перечисленные факты и не многочисленны, они не оставляют никаких сомнений в том, что прямоугольные жилища-землянки являлись обычной формой жилищ на Десне во второй половине I тысячелетия. Столь же обычными были погреба колоколовидной формы (иногда со ступенькой). Кроме селища Смольянь, они были обнаружены на Хотылевском селище, незначительные остатки которого, найденные Ф. М. Заверняевым, были исследованы мной в 1962 г., на селище у с. Посудичи в среднем течении р. Судости и в Мансуровке. В Посудичах на дне одного из таких погребов найден обломок бронзового украшения, по-видимому, середины I тысячелетия (рис. 4, 1).

Сейчас еще рано делать попытку обстоятельной хронологической классификации интересующих нас деснинских древностей. Но из сказанного выше следует, что они относятся к значительному промежутку времени — к пяти-шести столетиям. К более ранней группе относится Посудичское селище, вероятно, Белокаменка и Жуковка. В культурном слое, об-

²⁰ А. К. Амброс. Ук. соч., стр. 63, 70. На селище у Жуковки, где землянка была исследована Ф. М. Заверняевым, при обследованиях 1962 г. была найдена фибула конца IV в. (?). См. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 135. Селище у Жуковки отнесено там к позднезарубинецким.

наруженном в Кветуни на том же всхолмлении, что и могильник, и в какой-то мере ему предшествующем, в 1963 г. Л. В. Артишевской была найдена бронзовая арбалетовидная фибула (похожая на фибулу из Жуковки), вероятно конца IV — начала V в. Другие названные выше деснинские памятники принадлежат к последующим VI—VIII вв. Одну группу древностей от другой, более раннюю от более поздней, возможно отличить по формам керамики, по количеству в керамическом материале

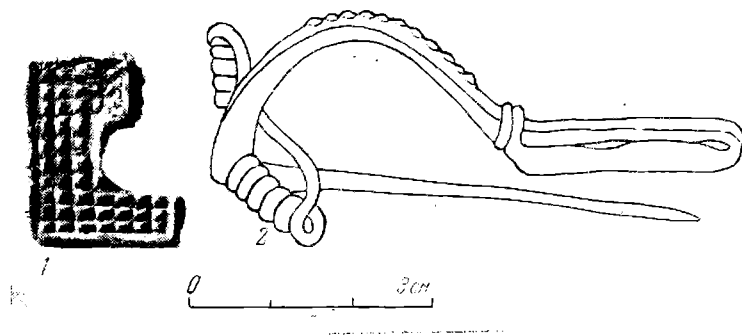

Рис. 4. Обломок бронзового IV украшения из поселения Посудичи (1) и фибула из Жуковки (2)

лощенных сосудов, по некоторым другим признакам. Впрочем, это возможно сделать лишь в том случае, когда керамика представлена в количестве, допускающем хотя бы приблизительные статистические подсчеты, так как в основных своих чертах более ранняя и более поздняя керамика очень похожи. Приходится также иметь в виду, что на поселениях, расположенных в разных частях поречья Десны, состав керамики не был вполне одинаковым, что и естественно — ведь она изготовлялась домашним способом, в соответствии с вкусами и традициями маленькой общины.

При небольших раскопках на селище Посудичи, датируемом, как сказано выше, серединой I тысячелетия было найдено свыше 600 обломков керамики, в их числе много крупных, позволяющих реконструировать формы и размеры сосудов. Подавляющее большинство обломков принадлежит грубым лепным сосудам, слепленным из глины с примесью шамота и песка. Обжиг керамики плохой, цвет желто-бурый, поверхность шероховатая, нередко со следами грубого сглаживания. В целом керамика толстостенная (от 6 до 12 мм), плоские днища толще стенок (10—15 мм), шейки — несколько тоньше. Общей чертой керамики является то, что плоские днища сосудов внутри округлые. Сосуды средней величины и небольшие иногда сделаны из лучшей глины, с мелкозернистой примесью, и их наружные стенки более тщательно заглажены.

Большая часть обломков (до 75%) принадлежит высоким сосудам со сравнительно узким дном, расширяющимися кверху стенками и либо суженной верхней частью, так что сосуд приобретает биконические очертания (таких явное большинство) (рис. 5, 1), либо верхняя часть сосудов совсем слабо профилирована и их можно назвать баночными (рис. 5, 2). Между теми и другими имеются промежуточные формы. Размеры сосудов весьма различны: диаметр горла варьирует в пределах от 10 до 25 см; дно в полтора-два раза уже; высота может быть определена лишь приблизительно — она равна наибольшему диаметру сосудов или несколько превышает его. На некоторых сосудах (5—7 экз.) имеется орнамент по венчику — насечка или вдавления, сделанные пальцем.

Вторую группу керамики, значительно более малочисленную (не более 10%), составляют реберчатые сосуды другого типа. Некоторые из них приближаются к биконическим (рис. 5, 4), у других верхняя часть

почти цилиндрическая. Это та форма сосудов, которая встречается в Ново-быховском могильнике, на Макче и в ряде других мест, речь о которых будет идти ниже. Размеры этих сосудов, по-видимому, несколько уступают первой группе. Некоторые сосуды этой формы имеют очень гладкую поверхность, примыкая к лощеной керамике.

Совсем в небольшом числе (4—5 экз.) реконструируются по обломкам биконические сосуды в виде небольших реберчатых мисок. Одна из них имела «кольцевую» ножку (рис. 5, 3, 5). Последнюю группу грубой

Рис. 5. Керамика из поселений Посудичи (1—6) и Смольянь (7—11)

керамики составляют «сковороды» или «тарелки», представленные обломками 20—25 экз. Для них характерны очень низкие бортики, иногда чуть заметные. Диаметр «тарелок» 12—20 см, толщина 1—2 см (рис. 5, 6).

Около 5% керамического материала составляют обломки лощеной посуды, обычно с поверхностью черной и темно-бурой окраски. Глина, из которой изготовлена эта керамика, хорошо промешана и не имеет крупнозернистых примесей. Найдены преимущественно обломки небольших мисок: биконических и с широко раскрытой верхней частью. Лощение плохое, лишь отдельные сосуды не уступали в этом отношении зарубинецким.

Судя по небольшому материалу, имеющемуся в моем распоряжении, такой же в общих чертах облик имеет керамика из Жуковки и, судя по описанию А. К. Амброза, из Белокаменки²¹.

Керамика Смольяни, представленная более чем 1600 фрагментами, по общему характеру, цвету, фактуре очень близка посудической. Но ее формы несколько иные. Здесь нет высоких сосудов, приближающихся

²¹ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70.

к биконическим; им соответствуют сосуды менее профилированные (рис. 5, 7) и еще более простые — баночные (рис. 5, 10). К тем и другим относится не меньше 80—85% керамического материала. Среди этой группы сосудов имеется несколько очень больших, с горлом диаметром до 35—40 см и стенками толщиной 12 мм. Реберчатых сосудов с цилиндрической или несколько суживающейся к горлу верхней частью не встречено на Смольяни ни одного. Найдена лишь большая миска (восемь крупных фрагментов), напоминающая сосуды этого типа. По составу глины она примыкает к лощеной керамике, но поверхность ее стенок не лощеная, а несет на себе тонкую горизонтальную штриховку — следы сглаживания тряпкой или пучком травы (рис. 5, 8). Как и в Посудичах, здесь имеется много обломков «тарелок». Иногда они представляют собой глиняные диски, другие имели невысокие бортики, третьи — бортики высотой до 1 см (рис. 5, 11). В среднем у смольяньских «тарелок» бортики выше, чем у посудических.

Рис. 6. Керамика из Кветуньского могильника

Обломков лощеной керамики в Смольяни встречено очень мало, менее 2%. Это части нескольких глубоких реберчатых мисок (рис. 5, 9). Лощение здесь, как и в Посудичах, — плохое.

Несколько слов о керамике из Кветуньского могильника. Л. В. Артишевской были опубликованы изображения лишь двух сосудов баночной формы, таких же, как соответствующие им посудические и смольяньские (рис. 6, 1). Она указала, что наряду с посудой с грубой поверхностью имеется гладкая, возможно лощеная. Но в Кветуни есть посуда и других форм. Особенно интересны сосуды с «баночной» верхней частью и сильно суженной нижней (рис. 6, 2). В них следует видеть, по моему мнению, «затухающий» вариант реберчатых сосудов типа рис. 2. Из Кветуньского могильника происходит также и небольшой биконический сосудик грубой работы (рис. 6, 3). В культурном слое, керамика которого, как сообщает Л. В. Артишевская, не отличается от керамики могильника, имеется значительное число обломков «тарелок» с невысокими бортиками²².

Керамика из могильника с трупосожжением у с. Усох, по мнению В. А. Падина, очень похожа на кветунскую²³.

Курганы «дороменского» времени имеются в бассейне Десны, на Гомельщине и Могилевщине, по-видимому, в нескольких местах, но их далеко не всегда можно датировать из-за отсутствия соответствующего инвентаря. Так, из раскопок Д. Я. Самоквасова на р. Клевени около с. Волокитина в одном из курганов была найдена лепная урна биконической формы, совсем не похожая на посуду роменского времени. Среди курганов, раскопанных Д. Я. Самоквасовым, имеются и другие, предположительно «дороменские»²⁴. А совсем недавно, в 1961—1963 гг. Г. Ф. Соловьевой были раскопаны три кургана с сожжениями в урочище Низень у дер. Демьянки на Гомельщине. В одном из них найдены крупные

²² Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне, стр. 89—93.

²³ В. А. Падин. Ук. соч., стр. 317.

²⁴ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917, стр. 68.

обломки реберчатого сосуда и ажурная бронзовая подвеска в форме мальтийского креста, напоминающая вещи с эмалью²⁵. Было бы очень интересно еще раз исследовать урочище Низень с целью отыскания там бескурганного могильника, более древнего, чем три исследованных кургана.

Обратимся к гомельскому и могилевскому течению Днепра. Кроме Новобыховского могильника, речь о котором шла выше, и некоторых других пунктов, где имелись следы таких же памятников (Ольба, Кистени, Проскурни), в этой области недавно стал известен такой замечательный памятник культуры последних веков I тысячелетия, как Колочинское городище-убежище, исследованное Э. А. Сымоновичем. Материалы исследований в Колочине обстоятельно опубликованы, что освобождает меня от необходимости давать их описание²⁶. Напомню лишь, что рядом с городищем были обнаружены землянки, одна из них, не имевшая печи, по мнению Э. А. Сымоновича, была синхронична городищу. Здесь же находился, по-видимому, грунтовый могильник с трупосожжениями, ныне распаханый (?).

С городища происходит большее число глиняных сосудов — баночных, узких у дна, таких же как сосуды из могильников у Кветуни и с. Усох и деснинских поселений, а также реберчатых, близких сосудам из Новобыховского могильника, Макчи и Посудичей. По ребру некоторых колочинских сосудов этого типа идет небольшой валик, подчеркивающий грань ребра.

Примерно такая же керамика — реберчатая и с валиком, опоясывающим сосуд на половине высоты, происходит из поселений с квадратными полуземлянками, исследованными на Днепре Л. Д. Поболем. Рядом с поселениями, расположенными на низких местах, здесь обнаружены грунтовые могильники с сожжениями. Эти материалы, хранящиеся в Институте истории БССР, еще не опубликованы, но они демонстрировались Л. Д. Поболем на археологических пленумах в Москве и Минске и уже получили широкую известность. Особенный интерес представляет поселение на урочище Обидня (Абидня), на берегу притока Днепра — р. Адаменки. Найденные там землянки, во всяком случае некоторые из них, восходят, кажется, ко второй четверти и середине I тысячелетия. Они датируются вещами с эмалью и, кажется, подвязанными фибулами. Другое селище, исследованное Л. Д. Поболем около дер. Нижняя Тоцица в районе Нового Быхова, на правом берегу Днепра, относится к более позднему времени — к третьей четверти I тысячелетия. Недавно Л. Д. Поболь сообщил мне, что подобные селища, располагающиеся сравнительно низко у воды, в пределах Гомельщины и Могилевщины обнаружены им уже в нескольких десятках пунктов.

Во время исследований 1954—1962 гг. на Смоленщине, в области верхнего течения Сожа было установлено, что памятники конца I тысячелетия (верхние слои Тушемли, Городка, Прудков, Вошкинского городища и др.) являются вполне однотипными. Они одинаковы с синхроничными городищами более западных областей, занятых в свое время племенами балтийской группы (Банцеровское городище и др.). Лишь одно городище, находящееся на северо-западной окраине бассейна Сожа, там, где верховья Сожа близко подходят к Днепру, оказалось особым, непохожим на остальные. Это Лахтеевское городище, имеющее три площадки и давшее керамику, близкую новобыховской и колочинской, что мной и было отмечено при публикации материалов смоленских городищ²⁷.

В эти же годы Е. А. Шмидтом было исследовано городище у дер. Демидовка (Теляши), на левом притоке Днепра — р. Русановке, находя-

²⁵ Приношу Г. Ф. Соловьевой благодарность за разрешение упомянуть об этой находке в настоящей статье.

²⁶ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108.

²⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 121—122.

щееся не более чем в 20 км от Лахтеевского городища в северо-западном направлении. Слой третьей четверти I тысячелетия и здесь дал ряд реберчатых сосудов, близких лахтеевским и колочинским²⁸.

Я отнюдь не хочу утверждать, что эти смоленские древности аналогичны более южным, описанным выше. Но несомненно, что сюда, в Смоленское Приднепровье, доходили элементы той культуры, которой посвящена настоящая статья.

В области Правобережья Верхнего Днепра, на берегу Акатовского озера, Е. А. Шмидтом был исследован могильник с сожжениями. Большинство происходящих из могильника сосудов малохарактерны. Они имеют баночную форму и очень близки посуде типа верхнего слоя Тупемли. Но здесь же оказались сосуды и другой формы, названные Е. А. Шмидтом «усеченно-коническими»²⁹. Нетрудно убедиться, что они представляют собой один из «затухающих» вариантов хорошо знакомых нам реберчатых сосудов. Поэтому следует думать, что Акатовский могильник или вовсе не связан с местной культурой, или принадлежит ей, но является результатом влияния погребальной обрядности соседних племен.

Известные параллели нашим древностям можно указать и в мощинской культуре в верхнем течении р. Оки. Они проявляются как в формах керамики, так и в погребальном обряде. Здесь имеются в виду курганы с трупосожжениями, деревянными срубам и оградами, напоминающие отдаленно кветуньские и являющиеся наиболее ранними погребальными сооружениями того типа, который в последние века I тысячелетия будет характерен для культуры вятичей и отчасти северян, о чем я писал еще в 1941 г.³⁰

3

Простое сравнение описанных выше древностей с синхронными им славянскими и древностями восточных балтов не оставляет сомнений в том, куда наши древности должны быть отнесены. Все основные археологические признаки, их характеризующие, целиком соответствуют славянской культуре. Топография и характер поселений в отдельных пунктах городища, такая специфическая черта культуры, как квадратные в плане жилища-землянки, колоколовидные погреб-хранилища, погребальная обрядность и ее эволюция от бескурганых могильников к курганам — все это одинаково характерно как для заведомо славянских памятников третьей четверти I тысячелетия, так и для древностей поречья Десны, Гомельщины и Могилевщины. Керамический материал из этих областей, его реберчатые силуэты, сближается с тясьминской, напорожской и побужской группой славянских памятников. Некоторые различия в той и другой керамике мало существенны. Они не превышают различий, наблюдаемых, скажем, между керамикой Смольяни и Кветуньского могильника.

С древностями культуры верхнеднепровских балтов наши памятники не имеют ничего общего, если не считать находимых на поселениях и в могильниках некоторых украшений балтийских форм (фибулы, вещи с эмалью), а также отдельных как будто бы похожих форм простейших баночных сосудов. Но было бы удивительно, если бы между теми и другими древностями не было никаких точек соприкосновения. Ведь в верхнем Поднепровье славяне жили в это время бок о бок с балтами. Между

²⁸ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины. -МИА, 108, стр. 53—54.

²⁹ Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 61.

³⁰ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941.

ними были, конечно, экономические и культурные связи, более того, шел процесс ассимиляции балтов славянами³¹. Отношения славян и восточных балтов — это большая и сложная тема, которая, вероятно, еще не скоро будет исчерпана как археологами, так и лингвистами.

К мнению, что описанные выше древности принадлежат славянскому населению, пришли независимо друг от друга многие археологи, занимавшиеся их исследованием. Так думают В. А. Падин, Л. В. Артишевская, Л. Д. Поболь и др. Лишь исследователь Колочинского городища — Э. А. Симонович в этом отношении проявил осторожность. Он указал на близкие аналогии своим материалам в славянских древностях, но вместе с тем отметил близость устройства Колочинского городища и его керамики баночных форм к древностям типа Тушемли, принадлежавшим верхнеднепровским балтам³².

Но по своему устройству Колочинское городище в равной степени напоминает как Тушемлю, так и городище Хотомель и другие славянские городища Полесья³³. Если же около Колочинского городища действительно располагался синхронный ему поселок с землянками (пока известна одна землянка), то аналогия с полесскими древностями будет уже полной.

Итак, есть все основания считать, что описанные выше древности являются славянскими и при этом особенно близкими к тем славянским памятникам на Тясмине, в Надпорожье и в Побужье, которые характеризуются реберчатыми формами керамики. Между ними есть, однако, одно существенное различие. Древности Среднего Поднепровья, их наиболее старшие группы, относятся к VI—VII вв., тогда как среди наших древностей есть и более ранние — середины и может быть второй четверти I тысячелетия. Более того, старшая группа наших древностей — Посудичи, Жуковка и др. — по многим признакам генетически связывается с верхнеднепровской зарубинецкой культурой (Почеп, Синково, Спартак и др.). Именно здесь, в позднезарубинецкой культуре берут начало квадратные жилища-землянки, колоколовидные ямы-погребки и основные формы реберчатой керамики, в частности сосуды с цилиндрической или слегка расширяющейся верхней частью и нижней — конической, отделенной от верхней отчетливым ребром. В позднезарубинецкую культуру миски такой формы проникли с юга. В настоящей статье я не смогу осветить эти факты, относящиеся к большой и ответственной теме о зарубинецкой культуре как культуре раннеславянской. Скажу лишь, что наши древности являются, по-видимому, тем недостающим до сего времени звеном, которое непосредственно связывает зарубинецкую культуру с восточнославянской. Именно в среде населения, оставившего наши древности, жившего к северу от границ черняховской культуры, сохранились те зарубинецкие элементы, остатки которых отмечают археологи в среднеднепровских славянских памятниках.

Из всего этого напрашивается один очень важный вывод. Можно думать, что тясминские, надпорожские и побужские славяне, отличающиеся от славян культуры Корчак и др., были выходцами из более северных областей Поднепровья, из тех мест, где одна из славянских грушировок обитала в тот период, когда Среднее Поднепровье было занято многочисленным поселением, оставившим черняховские памятники.

В этой связи хочу обратить внимание на два факта, имеющих отношение к только что сказанному.

³¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963; его же. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья. СА, XI, 1964.

³² Э. А. Симонович. Ук. соч., стр. 135—137.

³³ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е 1—57, 1961.

Известно, что одним из наиболее характерных элементов древней культуры балтов в середине I тысячелетия были украшения с эмалью. В области Верхнего Поднепровья эти эффектные украшения были несомненно в ходу и в славянской среде. Известно также, что в какой-то момент, в середине I тысячелетия, вещи с эмалью распространились в Среднее Поднепровье, преимущественно в его северные части. До сих пор оставалось, однако, неизвестным, как они туда попали, кем были занесены и с какими памятниками (местами поселений, могильниками) связываются. Теперь можно высказать предположение, что эти вещи оказались на Среднем Днепре в результате распространения туда населения из Верхнего Поднепровья. Они были найдены среди славянских древностей в Надпорожье.

Когда-то Б. А. Рыбаковым была высказана мысль, что вещи с эмалью в Среднем Поднепровье принадлежали полянам³⁴. Мысль эта многим представлялась совсем необоснованной. Но, по-видимому, Б. А. Рыбаков был очень близок к истине.

И второй факт. Не менее характерной чертой древней культуры верхнеднепровских балтов являлись круглые святилища, открытые на Благовещенской горе, на Тушемле и на других городищах. Святилища эти или их элементы были в какой-то мере усвоены верхнеднепровскими славянами, что нашло, в частности, яркое отражение в погребальных памятниках — курганах с круглыми в плане деревянными оградами³⁵. Недавно А. Н. Москаленко сообщила мне, что нечто подобное верхнеднепровским святилищам она обнаружила на одном из воронежских городищ роменско-боршевского типа. И, конечно, неслучайно, что почти такие же святилища, таких же размеров, оказались на Тясьмине. Одно из них — сооружение № 18 на селище Луг I около с. Пеньковки — не вызывает, по моему мнению, никаких сомнений. Это округлая площадка, 5—6 м в поперечнике, в центре которой сохранилась яма от большого и массивного столба (идола), а по краям площадки — ямы от девяти более или менее симметрично расположенных небольших столбов. Вблизи встречены остатки другого такого же сооружения, вероятно, более старого. На полу его был найден раздавленный землей биконический глиняный сосуд. Подобное же сооружение, остатки которого сохранились очень плохо, оказалось и на другом тясьминском поселении — на Стецовке³⁶.

В заключение хочу высказать предположение, что славянские памятники, подобные описанным выше верхнеднепровским, а также тясьминским, надпорожским и побужским, должны быть обнаружены и в северных районах Среднего Поднепровья. И не только в Правобережье — на Киевщине, но и в Левобережье. Да, впрочем, там они уже известны. Еще в 1909 г. Н. Е. Макаренко у с. Артюховка в бассейне верхнего течения р. Сулы были зарегистрированы остатки могильника с сожжением, откуда происходит реберчатый сосуд, такой же самый, как сосуды из Посудич, Макчи, Колочина и Новобыховского могильника. Находимые в Среднем Поднепровье бронзовые украшения VI—VIII вв. («древности антов») принадлежали, вероятно, именно этому населению. На эти памятники и на их связи с Зарубинецкой культурой еще 1952 г. указывал В. Н. Даниленко³⁷.

³⁴ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947.

³⁵ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4.

³⁶ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 166—167, 204; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 212—215.

³⁷ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 118—119; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, 4, 1955.